

ФИЛОСОФСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

Е.А. Тахо-Годи

ЮЛИЙ АЙХЕНВАЛЬД: АПОЛОГИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Тахо-Годи Елена Аркадьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, 1-й уч. корп.; e-mail: takho-godi.elena@yandex.ru

В статье впервые предпринимается попытка проанализировать «философию жизни» известного литературного критика и философа первой четверти XX в. Юлия Исаевича Айхенвальда (1872–1928) в связи с его интерпретацией русской истории и литературы. Исследуются публикации Ю.И. Айхенвальда в газете «Руль» первой половины 1920-х гг., стимулированные его участием в различных философских дискуссиях, проходивших в это время в Берлине (лекция-диспут Ф.А. Степуна «Трагедия и современность», доклад С.С. Ольденбурга «Русская литература и революция»). Особое внимание уделено докладу Айхенвальда «К вопросу о смысле истории», прочитанному в Русском научно-философском обществе 14 (1) апреля 1923 г. Показано, что, согласно критику-философу, любой революции всегда противостоит «прогрессивная сила истории», веками возводящийся на основе быта храм человеческого бытия. В статье продемонстрировано, что для Айхенвальда ежедневно проживаемая жизнь полна огромного смысла и особой «метафизической высоты». Вместе с тем отношение к повседневной жизни кладется Айхенвальдом в основу его литературных предпочтений, благодаря чему «естественный символизм» А.С. Пушкина, Ап. Григорьева, Л.Н. Толстого, И.А. Бунина, Б.К. Зайцева неожиданно, но вполне логично оказывается созвучен идеям Владимира Соловьева в своем служении красоте мировой жизни, «преодоления плоти, одухотворения материи, идеализации предметности». Автор статьи доказывает, что трактовка повседневности сопряжена во взглядах Айхенвальда с воззрениями и религиозными (идея «естественного христианства» как лежащего в основе всего природного мира «нетленного мифа естества», «реального чуда» умирания и воскрешения, которое находит «преломление в религиозном чувстве людей»), и историософскими (судьба России и ее отношение к Европе).

Ключевые слова: Юлий Айхенвальд, философские дискуссии, философия жизни, историософия, революция, повседневность, литературные предпочтения, «естественный символизм», «естественное христианство», судьба России

Для цитирования: Тахо-Годи Е.А. Юлий Айхенвальд: апология повседневности // Философский журнал / Philosophy Journal. 2024. Т. 17. № 3. С. 150–164.

Революция 1917 г., разделив жизнь русских людей на «дореволюционную» и «послереволюционную», на «советскую» и «эмигрантскую», вместе с тем поставила с особой остротой вопрос о переоценке всех ценностей – не только социальных, политических, философских, но и, казалось бы, самых элементарных, повседневных, однако теснейше связанных с экзистенциальными вопросами бытия, жизни и смерти. Эмигранты первой волны, изгнанные из своего отечества, ощущали это с особой остротой. Среди них был и Юлий Исаевич Айхенвальд (1872–1928), к сожалению, более известный как литературный критик, нежели как мыслитель, хотя именно такой известности он как профессиональный философ, собеседник Н.А. Бердяева, Н.Я. Грота, Л.М. Лопатина, Вл. Соловьева, Ф.А. Степуна, П.Б. Струве, С.Л. Франка, Г.Г. Шпета, несомненно, заслуживает. Настоящая статья – попытка обратить внимание на один из существенных аспектов философского мировоззрения Айхенвальда – на его «философию жизни» и ее связь с его эстетическими и историософскими идеями.

После высылки на «философском пароходе» осенью 1922 г.¹ Ю.И. Айхенвальд обосновался в Берлине и активно включился в различные эмигрантские проекты – не только стал редактором литературно-критического отдела русской эмигрантской газеты «Руль»², но и преподавал в Русской религиозно-философской академии, созданной в конце 1922 г. Н.А. Бердяевым и открытой в феврале 1923 г. в Русском научном институте, где был членом ученого совета³. В Академии он преподавал наряду с Л.П. Карсавиным, С.Л. Франком, И.А. Ильиным, Ф.А. Степуном, Б.П. Вышеславцевым и др. до 1924 г., когда ее деятельность переместилась в Париж⁴. В советских журналах тут же, в январе-феврале 1923 г., по этому поводу поиронизировали:

Н. Бердяев, Ю. Айхенвальд, Ф. Степун и др. в Германии окончательно «самоопределились». Все они «вкупе и влюбое» сорганизовались при «Американо-Христианском Союзе Молодежи» в качестве «Русской Религиозно-Философской Академии».

Лозунги:

- «Лишь религиозное возрождение может спасти Россию».
- «Обращение к источнику жизни – богу».
- «Наступают времена для единения всего христианского человечества».

Для сего читаются курсы:

Степун – сущность романтики.

Ильин – философия искусства.

Айхенвальд – философские мотивы русской литературы и др.

Задача для детей младшего возраста:

¹ См.: Кочергина И.В. К вопросу о причинах высылки критика Ю.И. Айхенвальда на «Философском пароходе» // Русская философия XX века и ее вклад в мировую интеллектуальную традицию. К 100-летию «Философского парохода». Тезисы международной конференции: в 2 т. Т. 2. М.; СПб., 2022. С. 106–107; Тахо-Годи Е.А. За что Юлий Айхенвальд стал пассажиром философского парохода? // Там же. С. 149–152.

² Ныне, благодаря самоотверженному труду И.В. Кочергиной, все литературно-критические и публицистические выступления Ю.И. Айхенвальда в «Руле» собраны и изданы: Ю.И. Айхенвальд в газете «Руль» (1922–1928): в 2 кн. М., 2022. Далее в статье цитаты по этому изданию даются в тексте в квадратных скобках с указанием тома и страницы.

³ См.: Будницкий О.В., Полян А.Л. Русско-еврейский Берлин: 1920–1941. М., 2013. С. 410.

⁴ Там же. С. 157, 159.

На основании указанных данных определить, – что же такое романтика и философия старого «святого», «вечного» и, главное, «аполитичного» искусства⁵.

11 декабря 1922 г. в Берлине в «Ложенгаузе» состоялась лекция Федора Степуна «Трагедия и современность», переросшая в диспут, участие в котором приняли Н.А. Бердяев, Ю.И. Айхенвальд, Е.Д. Кускова и Андрей Белый (С.Л. Франк намеревался участвовать⁶, но в итоге на диспуте не выступал). Лекция была вариацией статьи Степуна «Театр будущего (Трагедия и современность)», включенной в первый и единственный выпуск сборника «Шиповник», вышедший под редакцией Степуна до его высылки из России⁷ (в 1923 г. статья вошла в степунскую книгу «Основные проблемы театра»⁸). Судя по изложению в берлинской эмигрантской газете «Руль», Степун полностью воспользовался текстом своей статьи, сократив лишь то, что непосредственно касалось «театра будущего»⁹.

В изложении корреспондента «Руля» основные тезисы Степуна были следующими: «Жизнь, изживаемая нами изо дня в день – не есть жизнь»; в противовес этому «обывательскому существованию» «подлинная жизнь составляет содержание абсолютного искусства, содержание трагедии»; «После смерти последнего большого романиста Л.Н. Толстого остались только рассказчики», которые изображают «не бытие», но жизнь, изживаемую изо дня в день; «подлинную трагическую жизнь», «наступающую катастрофу» ощущали Вл. Соловьев, искавший «подлинного бытия», Вяч. Иванов, А. Блок и Андрей Белый. Современное искусство чуждо трагедии, потому что трагическое мирозерцание религиозно («Созерцатель трагедии всегда Бог»), в основе трагедии лежит религиозный миф – языческий (в античности у Софокла) или христианский (у Кальдерона). Незнание Бога в трагедиях Шекспира приводит к безумию. Современное искусство не взяло на вооружение трагического ощущения бытия, поэтому «трагическое ощущение бытия опять начинает умирать в искусстве»¹⁰.

Однако, судя по пересказу последовавшей полемики, корреспондент «Руля» не изложил (или газета сочла неуместным такое изложение) центральную для статьи и речи Степуна идею – идею о религиозной и благотворительной сущности войны и революции, позволившей современному человеку приобщиться к подлинной жизни, доступной ему обычно лишь благодаря трагедии как искусству. О том, что Степун не опустил это в своей речи, свидетельствуют и напечатанные предварительно в том же «Руле» за 7 декабря 1922 г. кратчайшие тезисы его лекции, где значится: «Современность как трагическая эпоха. Значение трагических эпох в деле творческого преобразования жизни. Трагический смысл войны и ее эмпирические осмысления. Революция как подлинный трагический герой на театре военных действий. Удушение трагического смысла революции в ее политических

⁵ Вестник работников искусств. 1923. № 5–6 (16–17). С. 111.

⁶ [Б.п.]. Лекция Ф.А. Степуна // Руль. 1922. № 616, 7 декабря. С. 6.

⁷ Шиповник. Сборники литературы и искусства. № 1. М., 1922.

⁸ Степун Ф.А. Театр будущего (Трагедия и современность) // Степун Ф.А. Основные проблемы театра. Берлин, 1923. С. 99–128.

⁹ См.: М.Р. «Трагедия и современность» (Лекция-диспут 11 декабря) // Руль. 1922, № 621. 13 декабря. С. 6.

¹⁰ См.: Там же.

перспективах»¹¹. Центральная мысль в статье, а значит, и в речи Степуна, заключалась в том, что хотя война и революция «оживили глубины метафизической памяти», теперь «трагический смысл войны и революции уже окончательно предан людьми ежедневной жизни»¹². Современное искусство должно взять на вооружение пережитое в революцию трагическое ощущение бытия, иначе искусству «безусловно грозит онтологически слепая мертвопись революционного быта»¹³. Новое искусство должно не только вдохновляться происшедшими катастрофами, но и быть «наследником пророческих чаяний и катастрофических предчувствий символизма»¹⁴.

Восторженно-романтические нотки в этой эстетической и метафизической трактовке войны и революции оказались неприемлемыми для таких выступавших после лекции Степуна оппонентов, как Бердяев и Айхенвальд, наотрез отказавшихся вопреки лектору признавать в войне и революции возвышающее начало. Бердяев видел в войне и революции не «художественное произведение», как Степун, но всеобщую вину, «распад бытия», происшедший задолго до войны и революции и коренящийся в «исторических судьбах народов»¹⁵. Айхенвальд отказывался придавать войне и революции «особый метафизический смысл», указывая, что и войны, и революции всегда сопровождали человека в его истории¹⁶. Он не готов был восторгаться трагическим пафосом революции, видя в ней «источник огромного несчастья целого народа»¹⁷. И, напротив, радовался, что искусство воздерживается от воплощения революции, потому что «нет в ней никакого религиозного смысла, кроме того, который имеется вообще в жизни»¹⁸. С его точки зрения, все высказанные Степуном положения были не чем иным, как «оскорблением Ее Величества – Жизни», потому что «грех и заблуждение» не считать подлинной саму обиденную жизнь, ибо «и наша обиденная жизнь полна глубины, смысла, красоты и значения»¹⁹. Для Айхенвальда, в отличие от Степуна, «реальная жизнь» представлялась «выше самого художественного произведения»²⁰. Возражения Айхенвальда вызвали «настоящую овацию» зала. Однако, как представляется, основная аудитория не до конца могла понять философскую подоплеку разгоревшейся полемики, потому что бурно аплодировали и Андрею Белому, чья вдохновенная речь о «революции духа» и о «страшном лике нового человека», как отмечал корреспондент «Руля», была «для огромного большинства весьма туманной по смыслу»²¹.

О том, насколько глубоко затронул Айхенвальда происшедший 11 декабря 1922 г. диспут, свидетельствуют его очередные «Литературные заметки»,

¹¹ [Б.п.]. Лекция Ф.А. Степуна // Руль. 1922. № 616, 7 декабря. С. 6.

¹² Степун Ф.А. Театр будущего. С. 120.

¹³ Там же. С. 122.

¹⁴ Там же. С. 123.

¹⁵ М.Р. «Трагедия и современность». С. 6.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. Poleмика Ф.А. Степуна и Ю.И. Айхенвальда кратко затронута в статье: Гергилов Р.Е. Первые годы Ф.А. Степуна в эмиграции // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2007. Т. 8. Вып. 2. С. 221–222. Автор полагает, что главная интенция Ф.А. Степуна заключалась в стремлении «придать повседневности черты мессиянства» (с. 222), но тогда вряд ли бы Ю.И. Айхенвальд стал бы полемизировать.

опубликованные в «Руле» спустя три недели, 31 (18) декабря 1922 г. Говоря в них о прочитанном 20 декабря 1922 г. в «Русском студенческом союзе» докладе историка и публициста Сергея Сергеевича Ольденбурга «Русская литература и революция», доказывая, что у революции и русской литературы «дороги <...> разные», что революция есть не что иное, как «трагическая карикатура» на «дух свободолюбия», на идеалы истинных художников – «революционеров духа» [1, с. 32], Айхенвальд вновь обращается к взволновавшему его вопросу об отношении революции и повседневности. Для него социальная революция по своей сути контрреволюционна, ибо она «враг эволюции, т.е. враг миропорядка», она «вызов природе, насилие над историей, поход против естества» [1, с. 32]. Революции противостоит «прогрессивная сила истории, ее инстинкт самосохранения» [1, с. 32]. «Трудное здание жизни» «не воздвигается наскоро и наспех», – пишет Айхенвальд, – поэтому всякая революция непрочна, она – «бутафория», «декорация» [1, с. 33]. Он уверен: «Только на основе быта, камень за камнем слагаемого поколениями, в преемственной работе веков» возводится храм человеческого бытия [1, с. 33]. Для него, как и для высоко ценимого им Блеза Паскаля, «человечество, это – один человек» в своем развитии, поэтому и весь «длинный спектакль истории» видится ему как «некое “сквозное действие”», где, будто «сквозь лабиринт столетий вьется какая-то единая живая нить» [1, с. 33]. С точки зрения Айхенвальда, нигилисты те, кто «в традициях быта видит одну только ветошь», кто совсем не причастен культу предков», наивно и самонадеянно «хочет от себя вести летоисчисление времен и генеалогию человечества» [1, с. 33]. С такой позиции «быт не есть оцепенение, склероз духа, мертвая неподвижность», напротив – в быте критик-философ видит творчество, «душу и пафос» [1, с. 33]. Он убежден, что «это ясно для всех, кто глядит в глубину, кто уважает свои будни» [1, с. 33]. В своей апологии повседневного быта Айхенвальд доходит даже до понятия «святого мещанства» [1, с. 33]. Именно этому «святому мещанству» и противостоит «нигилистка-революция», которая «тушит миллионы очагов, с таким трудом зажженные людьми во тьме и холоде существования» [1, с. 33]. Если «природа боится пустоты», «первоначального хаоса», то революция как раз «насаждает пустоту и провалы», «красный петух революции» превращает «человеческие жизни и жилища» в «прах и пепел» [1, с. 33]. Ошибаются те, кто думает, что революция содействует прогрессу: она несколько не содействует прогрессу, как раз напротив, она замедляет ход истории, ибо «страшное лицо» революции повернуто не к будущему, а к прошлому, причем в этом прошлом ее притягивают только «прежние пороки и преступления» [1, с. 32].

Ссылаясь для подтверждения на писателей, любивших и ценивших традиции, предков и быт, – на Пушкина, Островского и Аполлона Григорьева²², критик-философ не хочет «уступать революции» и Льва Толстого. С его точки зрения, хотя Лев Толстой «разрушительной частью своей проповеди» оказал «не мало услуг революции», «но все же общий дух его учения был

²² Об отношении к Пушкину и Ап. Григорьеву см.: *Тахо-Годи Е.А.* Пушкин в философско-эстетической системе Ю.И. Айхенвальда // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 3. С. 171–189; *Она же.* А.А. Григорьев и Ю.И. Айхенвальд: Из истории борьбы за «органическое» мировосприятие // Русская литература. 2022. № 4. С. 163–174; *Она же.* Критик о критике: Юлий Айхенвальд об Аполлоне Григорьеве // Русская словесность. 2023. № 1. С. 32–36.

революции именно враждебен» [1, с. 34]. И в этом Толстой также противопоставлен «антропоцентристу» и пророку революции Ф.М. Достоевскому²³. Для Айхенвальда Лев Толстой не только «ратоборец самоусовершенствования», борец за «глубокое преображение духа», чье «творчество в целом самой сутью своею противоположно духу революционизма», но он «своею идеальной сердцевиной имеет <...> вещью сопричастность природе» как началу консервативному [1, с. 34–35]. Он видит в Толстом «нечто космическое»: недаром критик говорит об «органической стихийности» Толстого, называет его «старожилом вселенной, ключарем природы, стражем естества», «ровесником Бога» [1, с. 35].

Естественно, что после выхода в 1923 г. в свет книги Степуна «Основные проблемы театра», включавшей статью «Театр будущего (Трагедия и современность)», Айхенвальд считал своим долгом на нее откликнуться в «Руле» 24 июня 1923 г. Не имея возможности на газетных страницах вступить в «долгий спор» и «подвергнуть пристальному критическому рассмотрению» высказанные Степуном идеи, он схематично передает основную мысль очерка (признание реальной жизни только как «потенции жизни, никогда не осуществляемой, всегда обманывающей», что «повседневная жизнь – лишь тоска по жизни», что только «полоса войны и революции дает совершенно исключительную возможность удовлетворения этой тоски и возвращает жизнь на ее родину, на ее метафизические высоты» [1, с. 128]) и в противовес ей выдвигает парадоксальный тезис: «Судить о революции имеют право лишь те, кто от нее умер» [1, с. 129]. Так как «для развитого человеческого сознания обязательно помнить и революции, и войны прежние», то не обязательно ждать новых «жестоких объятий революции», чтобы «задуматься о трагическом, о мистическом смысле жизни» [1, с. 129]. «Революция – гипербола», «не взрывает она смыслы, а лишь обостряет и усиливает их» [1, с. 129]. Может быть, «война и революция потрясают и перевоспитывают души», но для истинного философа, особенно для такого глубокомысленного, как автор очерка, такая педагогика не требуется. Айхенвальду очевидно, что недавнюю революцию его современники приняли «ближе к сердцу», потому что катастрофа затронула их лично. Но он считает, что «трагическая мудрость» могла бы выречь в людях, если бы они «не были так забывчивы и поверхностны»: «<...> опыт человечества, история человечества и история каждого отдельного человека давно бы уже должны были внушить нам ту трагическую мудрость, которой умудрила нас теперь “благосклонная судьба” и которую мы, живые, купили на чужой страшный счет, на счет чужой крови и смерти...» [1, с. 129]. Судя по всему, для Айхенвальда мудрость заключается именно в том, чтобы «уважать свои будни», смотреть «в их глубину» и видеть «их смысл», потому что «трагический момент, пленительный для Ф.А. Степуна, присущ не только искусству, но и жизни повседневной» [1, с. 128]. Повседневная жизнь «подлинна и священна», ибо «в ней есть страдание и смерть, таинства ее колыбелей и могил, мистерии каждого дня и каждой ночи» [1, с. 128]. По Айхенвальду, «между обыденностью и катастрофичностью нет качественной разницы», потому что «жизнь – сплошная катастрофа, т.е. сплошное огромное событие» [1, с. 128], имеющее

²³ См.: Тахо-Годи Е.А. Юлий Айхенвальд в философских раздумьях о Достоевском, революции и путях русской литературы // Достоевский: Материалы и исследования. Вып. 23. СПб., 2021. С. 485–507.

гораздо более «метафизической высоты», нежели недавние революционные потрясения.

К лекции, прочитанной Степуном 11 декабря 1922 г., Айхенвальд вновь вернется через два года, когда 6 мая 1925 г. в своих «Литературных заметках» возьмется за разбор степунских «Мыслей о России», опубликованных в журнале «Современные записки»²⁴. В этом тексте он увидит новые идеи, «больше прежнего созвучные истине» [1, с. 466]. Ему особенно близка критика Степуном тех сочувственников коммунизму и революции, которые «восторженно рукоплещут великолепным страданиям России, спокойно сидя в партере западно-европейского благополучия», «не прикоснувшись к трагической практике», чьи души «вспаханы Шпенглером, удобрены Достоевским и засеяны плевелами третьего интернационала» [1, с. 466]. В этой смене оптики Степуна критик-философ явно видит свою заслугу – влияние на Степуна собственного выступления на берлинском диспуте 1922 г. Вспоминая об этом диспуте, он пишет, что «позволил себе тогда внешне парадоксальное утверждение, что судить о революции имеют право» не выжившие, а лишь погибшие, «т.е. те, кто подлинный и личный опыт революции проделал в его максимуме» [1, с. 466].

Однако и в текстах самого Айхенвальда можно обнаружить воздействие выступления Степуна 1922 года. Так, Айхенвальд не только соглашается со Степуном, что в России «борьба идет не между капитализмом и коммунизмом, а между Богом и дьяволом» [1, с. 467], но и с идеей Степуна о том, что война и революция напоминают «гневный окрик Вечности», от которого взорвались «все мнимые твердыни нашей обнаглевшей европейской суеты», обнажив «самые корни жизни», придав ей «суровую строгость» и «первозданное значение» [1, с. 467]. Однако Айхенвальд по-прежнему отказывается видеть в революции «откровение», он вновь видит в ней «лишь наглядный урок, педагогику», а педагогика, с его точки зрения, нужна маленьким «несмышленишкам», а не «взрослым и чутким», которые «и без исключительных потрясений, в самой обыденности своей находят достаточно поводов, чтобы задуматься о смысле жизни» [1, с. 467].

Недаром в статье «Погребение Европы (литература и революция)», опубликованной в июле 1923 г. в рижской газете «Сегодня», Айхенвальд, подобно Степуну, заговорил о войне не только как о «разнообразии ужасов и трагедий», но как о проявлении «патриотизма и героизма»²⁵. Теперь он стал полагать, что «война не бездушная, а наоборот, пафос; война – живейшая из реальностей, пусть злое творчество, но творчество навверное, – то, которое в соседстве смерти, на краю ее бездны, созидает подлинную жизнь»²⁶. Вместе с тем он и тут вновь подчеркивал и «повседневность» войны, то, что человечество всегда воюет и что культура всегда была свидетельницей войн, поэтому, несмотря на масштаб последней войны, ее сущность та же, что и прежде: «никаким откровением в грозе и буре пережитая война не явилась», ибо «в нашем старом мире новостей нет»²⁷. Как и война, так и «смерч революции, пронесшийся над частью Европы, не предвещает

²⁴ Степун Ф.А. Мысли о России // Современные записки. Кн. XXIII. Париж, 1925. С. 342–372.

²⁵ Каменецкий Б. [Айхенвальд Ю.И.]. Погребение Европы (литература и революция) // Сегодня. 1923. № 138, 1 июля. С. 2.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

ее конца», так как, в отличие от России, Европа – «старая цитадель цивилизации»²⁸. С точки зрения Айхенвальда, Освальд Шпенглер «незаконно отделяет культуру от цивилизации»²⁹. Исходя из принципа «сперва – жить, потом – философствовать», Айхенвальд считает, что цивилизация есть фундамент культуры и одновременно ее воплощение. С его точки зрения, культура и цивилизация «нераздельны и нерасторжимы» так, «как совместно пребывают душа и тело», что все «полеты духа» есть услуга, которую «цивилизация оказывает культуре», что именно «спокойное и стройное течение цивилизованной жизни» раскрывает новые «перспективы идеальности»³⁰.

В июне 1925 г., в статье «Наша Россия», говоря о «губительном смерче истории», о «негостеприимной чужбине», о «нравственной щепотке родной земли», о необходимости для эмиграции блюсти «русский огонь» и «стоять на страже русской культуры», родных пенатов, богов домашнего очага, критик-философ будет развивать свои представления о необходимости органичности исторического развития, благодаря которому возможно «единое дыхание непрерывной жизни» [1, с. 483].

Для Айхенвальда, «где культура, там культ» [1, с. 484], потому что «культура – это память», «культ отцов», «продолжение дорог давнишних», «связь между предками и потомками», «бесплотный мост между страной воспоминаний и страной еще не родившихся душ» [1, с. 483]. Он убежден, что «творческое обновление» всегда «зиждется на какой-то постоянной и несокрушимой основе» [1, с. 484], что «только если есть культ отцов, возможна страна детей» [1, с. 483]. Он подчеркивает, что «сознание родословности и аристократическая радость о своих корнях» является «условием культуры» [1, с. 483]. Вот почему Пушкин – это «олицетворение русской культуры» [1, с. 483], хотя «русская литература – только часть русской культуры» [1, с. 484]. Тем не менее именно русская литература давала «неожиданные откровения о предельных загадках бытия, о последних глубинах человеческого духа» [1, с. 484]. Пытаясь определить «специфический духовный стиль России», критик-философ обращал внимание на то, что во всей русской культуре, включая литературу, искусство, философскую и религиозную мысль, ощутима, во-первых, «интимная углубленность», «особая заинтересованность человеком», «особое задушевное отношение к его душе» [1, с. 484]. Во-вторых, то, что «особенная чуткость и понятливость сердца» порождают «предпочтение духа реальности», устремление к «существу и сути» жизни, «прирожденный идеализм», проявляющийся в «искании правды, искании смысла», «отвержении механичности» [1, с. 484]. Вот почему в России культура всегда преобладала над цивилизацией. Айхенвальд противопоставлял «горькому настоящему» «светлое прошлое», «русскому вандализму» – русскую культуру, он убеждал читателей, что «как ни ужасен и длителен перерыв в русской культуре, она восстановит свои права», отречется от атеизма и материализма, потому что «на материализме ничего построить нельзя», ибо «материя требует одухотворенности» [1, с. 485].

Неудивительно, что наиболее значимые современные представители русской литературы – Иван Бунин и Борис Зайцев – для Айхенвальда прояв-

²⁸ Там же. С. 2–3.

²⁹ Там же. С. 3.

³⁰ Там же.

ляют свое истинное мастерство именно через «естественный символизм» – через символическое постижение повседневности³¹. И.А. Бунин всегда умеет сочетать «глубину размышлений с приметливостью к характерным фактам и мелочам повседневности» [2, с. 908], а Б.К. Зайцев окутывает «тихим лиризмом и нежной мягкостью» саму жизнь, причем «все, что извлекает он из натуралистических низин повседневности, преломляясь через его художническое простодушие, через призму светлого сердца, становится чисто, как хрусталь, достигает блаженных высот покоя и красоты» [1, с. 51]. Сама жизнь становится легче, хотя «не уменьшается ее внутренняя вескость, ее извечная серьезность, но облегченнее, лучистее, воздушнее делается весь ее лик и вид», потому что «исчезает обрюзглость быта и тягостное давление вещей» [1, с. 51]. В прозе Б.К. Зайцева происходит чудо – «преодоление плоти, одухотворение материи, идеализация предметности» [1, с. 51]. Благодаря этому оба писателя в айхенвальдовской системе координат оказываются неожиданно, но вполне последовательно союзниками дорогого его сердцу Владимира Соловьева. Для этого «русского мыслителя» (именно так критик-философ назовет в октябре 1925 г. статью, посвященную Вл. Соловьеву) «все материальное неизбежно коренится в духе, и нет на свете ничего мертвого и косного» [1, с. 548]. Раз «мир имеет душу», то и «душа человека непрерывно сообщается с нею в повседневности жизненных явлений»: «Кругом нас реют конкретные духовные силы. Бесконечный абсолютных дух создал все предметы, это он – благой и чистый, и неиссякаемый источник их разнообразного бытия. Божество едино, но в нем – творческая причина множественности, так что на множественность распространяет и излучает божественная сила свое единство, и во многом дышит одно» [1, с. 548].

Но наиболее явственно историософские идеи Айхенвальда выразились в его докладе «К вопросу о смысле истории», прочитанном в Русском научно-философском обществе 14 (1) апреля 1923 г.³² Для Айхенвальда история «не есть художественное произведение», поэтому «смысл истории» для проживающих жизнь людей «фатально закрыт», а любые попытки его истолкования «неубедительны»³³. Айхенвальд считает, что для того, «чтобы понять прошлое, надо достаточно знать настоящее»³⁴. Для него историзм равен релятивизму, потому что «он мешает той абсолютизации действительности, которая должна служить путеводной нитью для нашего мирозерцания»³⁵. В отличие от Освальда Шпенглера для Айхенвальда «цивилизация» есть максимальное «воплощение культуры»³⁶. Он указывает на то, что «если бы наше время было временем бездушной техничности», то невозможна была

³¹ С философией повседневности теснейшим образом сопряжен айхенвальдовский эстетический метод, который он сам называет «имманентным», но который точнее было бы определить как «естественный символизм». Об этом см.: *Тахо-Годи Е.А.* «Естественный символизм» Юлия Айхенвальда (к вопросу об эстетическом методе) // *Русская литература и журналистика в предреволюционную эпоху: формы взаимодействия и методология анализа: коллективная монография.* М., 2021. С. 188–203.

³² [Б.п.]. Доклад профессора Ю.И. Айхенвальда // *Руль.* 1923. № 721, 14 (1) апреля. С. 5.

³³ [Б.п.]. К вопросу о смысле истории (Доклад Ю.И. Айхенвальда) // *Руль.* 1923. № 724, 18 (5) апреля. С. 5.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

бы война, «которая всегда – пафос, героизм, патриотизм»³⁷. Он убежден, что «техницизм недооценивают», что «он раскрывает новые перспективы идеальности, усиливает духовность», что «одоление природы», «возрастание власти над природой» – это «единственная явная магистраль истории», которая не знает «морального прогресса»³⁸. Побеждающий природу европеизм не отрывает человека от природы, так как «европеизм – вечная категория в бытие человечества», а, по Айхенвальду, «весь мир – Европа»³⁹, в том числе и дорогая его сердцу Россия⁴⁰. Исходя из таких установок, он и отказывается видеть «разлад между культурой и природой»⁴¹. Для него «культура – самосознание природы»⁴². Он убежден, что «всякая философия культуры, философия истории должна быть философией природы»⁴³. Вот почему он предлагает «отказаться от антропоцентризма», «выйти за пределы человеческой истории», так как «человеческое» «не определяет собой судьбы космоса»⁴⁴.

Однако оптимистический взгляд на современный техницизм сочетается у Айхенвальда с пессимистической уверенностью, что «мир уже непоправим, неискупим»⁴⁵. Убежденный в том, что «относительное добро не есть добро вовсе», критик-философ считает, что «тайна страдания, смысл боли» и зло «трагически непонятны» человеку, что они в итоге «компрометируют смысл истории»⁴⁶. В такой ситуации он видит единственный выход в том, чтобы научиться жить «при неразрешенности и неразрешимости жизни», когда «только верой и непосредственной радостью жизни может для нас осмыслиться исторический процесс»⁴⁷.

Как сообщалось в «Руле», «доклад очень заинтересовал аудиторию» и вызвал дискуссию, в которой приняли участие Д.М. Койген, Н.А. Бердяев, Л.Е. Габрилович, Г.Б. Ительсон, И.В. Пузино, Г.А. Ландау, С.И. Гессен, М.Н. Шварц, так что было решено «продолжать прения на следующем заседании Научно-философского общества»⁴⁸. К сожалению, восстановить то, как протекала полемика, ныне вряд ли возможно. Несомненно, что айхенвальдовская историософия не могла не вызвать возражения выступавшего оппонентом докладчика Бердяева как автора книги «Смысл истории: Опыт философии человеческой судьбы», которую критик-философ явно учитывал в своих построениях. Пожалуй, единственное, в чем они сходились, так это в том, что культура невозможна без «культы отцов». Но бердяевские аргументы, прозвучавшие 14 (1) апреля 1923 г., нам неизвестны – в газете «Руль» их изложения нет. Однако можно предположить, что аргументы Бердяева были близки к тем, которые он формулировал в опубликованной

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ О воззрениях Ю.И. Айхенвальда на этот вопрос подробнее см.: Тахо-Годи Е.А. Россия и Европа: Юлий Айхенвальд об историософии Ф.М. Достоевского // Философский журнал / Philosophy Journal. 2022. Т. 15. № 4. С. 123–135.

⁴¹ [Б.л.]. К вопросу о смысле истории (Доклад Ю.И. Айхенвальда). С. 5.

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же.

в 1922 г. в сборнике «Шиповник» статье «Воля к жизни и воля к культуре», замыкавшей книгу о смысле истории в качестве «приложения»⁴⁹.

Среди тех, кто после смерти Айхенвальда в декабре 1928 г. решил почитать его некрологом, был и долгие годы друживший с ним Степун. В 1929 г., в очерке «Памяти Ю.И. Айхенвальда», вошедшем в шестое переиздание «Силуэтов русских писателей», в его первый выпуск «Пушкинский период», он счел необходимым подчеркнуть, что «отдельные афоризмы» Айхенвальда свидетельствуют о том, что «этим критиком-интуитивистом, критиком-индивидуалистом владеет совершенно определенное философское мирозерцание», хотя Степун не готов его относить к категории критиков-философов⁵⁰. Пытаясь определить это «философское мирозерцание», Степун неслучайно вычленил следующие два афоризма: «Истинный поэт служит жизни, а не поэзии»; «В самой форме человеческого стиха есть нечто мироутверждающее»⁵¹. Определяя «сердцевину духовной сущности» Айхенвальда, его «единое убеждение», Степун делает акцент как раз на айхенвальдовской «философии жизни» (хотя и не употребляет этого термина). Он пишет: «В мироощущении Юлия Исаевича жизнь тождественна поэзии; поэзия – истине; истина – утверждению жизни; утверждение жизни – утверждению прирожденной святости нашего сердца, нашей глубинной невинности»⁵². С его точки зрения, это вовсе не было «теоретической концепцией», но неким «светлым кругом того этически-оптимистического настроения, которым он сам изнутри светился и который часто с любовью отмечал в творчестве близких его сердцу художников»⁵³. При этом, вероятно, памятуя о диспуте 1922 г., он подчеркивает, что Айхенвальд, «несмотря на свою глубинную веру в светлую глубину человеческого духа» не был «слепым и глухим к трагическим явлениям жизни»⁵⁴, но объяснял их причину по-своему: «Он только твердо верил, что все зло происходит от измены духу жизни, духу поэзии, духу “мироутверждающего” слова, лада и строя космоса»⁵⁵. Именно «органической» ненавистью «ко всякой теоретической выдумке, ко всякой мозговой игре, ко всякому оскорблению “Ее Величества Жизни”»⁵⁶, а не политическими убеждениями Степун объясняет неприятие Айхенвальдом революции и большевизма. Примечательно, что при этом он цитирует именно те слова Айхенвальда, которыми он на декабрьском диспуте 1922 г. призывал самого Степуна отказаться от превознесения революции и ее положительной трагической роли для современности. Как очевидно, к 1929 г. сам Степун готов был под этим подписаться. Недаром свои рассуждения об отношении Айхенвальда к «духу жизни» он завершает следующим пассажем: «Отрицание большевиков (а подчас и всей русской революционной интеллигенции) проистекало у Юлия Исаевича из тех же источников, как и его отрицание Горького и Брюсова. И вряд ли можно почесть за простую

⁴⁹ Бердяев Н.А. Воля к жизни и воля к культуре // Бердяев Н.А. Смысл истории: Опыт философии человеческой судьбы. Берлин, 1923. С. 249–267.

⁵⁰ Цит. по: Степун Ф.А. Памяти Ю.И. Айхенвальда // Айхенвальд Ю.И. Силуэты русских писателей. М., 1994. С. 15.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же.

случайность, что оба писателя наиболее тесно слили свои имена и судьбы со страшным коммунистическим отрицанием великой правды малой жизни»⁵⁷.

Однако для Айхенвальда речь шла не только о правде «малой жизни». Для него войны и революции были так же естественны для истории, как умирание и воскрешение для человеческой жизни. В апреле 1923 г. в статье «Неотменная» он выдвигал идею «естественного христианства» [1, с. 88], того лежащего в основе всего природного мира «нетленного мифа естества», «реального чуда» умирания и воскрешения, которое находит «преломление в религиозном чувстве людей» [1, с. 89]. Ему казались абсолютно бесполезными советские декреты, отменяющие Пасху, потому что в любом человеке существует «пасхальное настроение», «естественное христианство», как в самой природе [1, с. 88]. А «естественного не упразднишь» [1, с. 89]. Человеческая «жизнь не есть жизнь сплошная», для человека была бы невыносима «бесперывная жизнь», поэтому у человека «сколько дней – столько жизней», «столько смертей, сколько ночей», поэтому «из жизни в смерть, из смерти в жизнь периодически нисходит и восходит человеческая душа» [1, с. 88]. Само же человеческое мышление, по мнению критика-философа, протекает исключительно «sub specie vitae» [1, с. 88], т.е. «ее стихия – настоящее», она все воскрешает и оживляет, у мысли «вечно настоящее время», поэтому «всё живет, покуда мыслится» [1, с. 89]. Именно поэтому человек всегда «ощущает внутреннее одоление смерти» даже «в своем личном опыте, в русле своей частной повседневности», и тем более «за пределами своего я, на пространствах природы», где «круговорот вселенной внятными голосами жизни говорит нам о торжестве вечности над временем» [1, с. 89]. Человечество не может оставаться «на почве натурализма», этому противоречит именно «нетленный миф естества», обещающий воскрешение. Неслучайно поэтому, что и у евреев, и у христиан празднование Пасхи «совпадает с воскресением стихий» [1, с. 89]. Именно поэтому, «кто против Пасхи, тот – против свободы», ибо «если Пасха – предрассудок, то предрассудком надо признать и жизнь», «смерть, это – рабство; жизнь, это – свобода» [1, с. 90]. Именно поэтому Пасха «не придумана, она естественна; всегда она была, всегда и будет» [1, с. 90], как и сама жизнь. Вот почему Айхенвальд не может поверить, что «в книге судеб для России была отменена Пасха – та Пасха, которая от века не отменима для всей природы и для всего человечества» [1, с. 90]. Раз «Россия – личность», «индивидуальность», раз «дыханием мировой груди надежда на обновление внушается каждой отдельной личности» [1, с. 90], то обновление и воскрешение ждут и ее. Такая обязательность Пасхи «для всей природы и для всего человечества» внушала критику-философу исторический оптимизм, веру в то, что как бы «беспросветно и бесславно» не жилось в настоящем русским людям, Россия восстанет из смерти, из революционного небытия, воскреснет как живая личность. Он был уверен, что даже если ныне живущие русские пройдут, то останется Россия, ее возрождение и воскрешение.

Таким образом, для Айхенвальда именно вечно длящаяся «повседневность» оказывается тем, что противостоит революции, тем, на чем зиждится культура, цивилизация, религия, а в итоге вся жизнь, весь миропорядок, а вместе с ним и судьба собственного отечества.

⁵⁷ Там же.

Список литературы

- [Б.н.]. Доклад профессора Ю.И. Айхенвальда // Руль. 1923. № 721, 14 (1) апреля. С. 5.
- [Б.н.]. К вопросу о смысле истории (Доклад Ю.И. Айхенвальда) // Руль. 1923. № 724, 18 (5) апреля. С. 5.
- [Б.н.]. Лекция Ф.А. Степуна // Руль. 1922. № 616, 7 декабря. С. 6.
- Бердяев Н.А. Воля к жизни и воля к культуре // Бердяев Н.А. Смысл истории: Опыт философии человеческой судьбы. Берлин: Обелиск, 1923. С. 249–267.
- Будницкий О.В., Полян А.Л. Русско-еврейский Берлин: 1920–1941. М.: Новое литературное обозрение, 2013.
- Вестник работников искусств. 1923. № 5–6 (16–17). С. 111.
- Гергилов Р.Е. Первые годы Ф.А. Степуна в эмиграции // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2007. Т. 8. Вып. 2. С. 221–222.
- Каменецкий Б. [Айхенвальд Ю.И.]. Погребение Европы (литература и революция) // Сегодня. 1923. № 138, 1 июля. С. 2–3.
- Кочергина И.В. К вопросу о причинах высылки критика Ю.И. Айхенвальда на «Философском пароходе» // Русская философия XX века и ее вклад в мировую интеллектуальную традицию. К 100-летию «Философского парохода». Тезисы международной конференции: в 2 т. Т. 2 / Отв. ред. Б.И. Пружинин, Т.Г. Щедрина. М. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. С. 106–107.
- М.Р. «Трагедия и современность» (Лекция-диспут 11 декабря) // Руль. 1922. № 621, 13 декабря. С. 6.
- Степун Ф.А. Мысли о России // Современные записки. Кн. XXIII. Париж, 1925. С. 342–372.
- Степун Ф.А. Памяти Ю.И. Айхенвальда // Айхенвальд Ю.И. Силуэты русских писателей. М.: Республика, 1994. С. 13–15.
- Степун Ф.А. Театр будущего (Трагедия и современность) // Степун Ф.А. Основные проблемы театра. Берлин: Слово, 1923. С. 99–128.
- Тахо-Годи Е.А. «Естественный символизм» Юлия Айхенвальда (к вопросу об эстетическом методе) // Русская литература и журналистика в предреволюционную эпоху: формы взаимодействия и методология анализа: коллективная монография / Отв. ред. и сост. А.А. Холиков при участии Е.И. Орловой. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 188–203.
- Тахо-Годи Е.А. А.А. Григорьев и Ю.И. Айхенвальд: Из истории борьбы за «органическое» мировосприятие // Русская литература. 2022. № 4. С. 163–174.
- Тахо-Годи Е.А. За что Юлий Айхенвальд стал пассажиром философского парохода? // Русская философия XX века и ее вклад в мировую интеллектуальную традицию. К 100-летию «Философского парохода». Тезисы международной конференции: в 2 т. Т. 2 / Отв. ред. Б.И. Пружинин, Т.Г. Щедрина. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. С. 149–152.
- Тахо-Годи Е.А. Критик о критике: Юлий Айхенвальд об Аполлоне Григорьеве // Русская словесность. 2023. № 1. С. 32–36.
- Тахо-Годи Е.А. Пушкин в философско-эстетической системе Ю.И. Айхенвальда // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 3. С. 171–189.
- Тахо-Годи Е.А. Россия и Европа: Юлий Айхенвальд об историософии Ф.М. Достоевского // Философский журнал / Philosophy Journal. 2022. Т. 15. № 4. С. 123–135.
- Тахо-Годи Е.А. Юлий Айхенвальд в философских раздумьях о Достоевском, революции и путях русской литературы // Достоевский: Материалы и исследования. Вып. 23. СПб.: Нестор-История, 2021. С. 485–507.
- Шиповник. Сборники литературы и искусства. № 1. М.: Изд-во Шиповник, 1922.
- Ю.И. Айхенвальд в газете «Руль» (1922–1928): в 2 кн. / Сост., предисл., комм. И.В. Кочергиной при участии Д.В. Зуева. М.: Водолей, 2022.

Yuly Aykhenvald: an apologia of the everyday life

Elena A. Takho-Godi

Lomonosov Moscow State University. GSP-1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: takho-godi.elena@yandex.ru

The paper discusses for the first time the “philosophy of life” of the famous literary critic and philosopher of the first quarter of the twentieth century Yuly Isaevich Aykhenvald (1872–1928) in connection with his interpretation of Russian history and literature. The article examines the publications of Yu.I. Aykhenvald in the newspaper “Rul” in the first half of the 1920s, stimulated by his participation in various philosophical discussions that took place at that time in Berlin (F.A. Stepun’s lecture “Tragedy and Modernity”, S.S. Oldenburg’s report “Russian Literature and Revolution”). Special attention is paid to the report of Yu.I. Aykhenvald “On the question of the meaning of history”, read in the Russian Scientific and Philosophical Society on April 14 (1), 1923. It is shown that for a critic-philosopher, any revolution is always opposed by the “progressive force of history”, the temple of human existence built on the basis of everyday life for centuries. It is demonstrated that for Yu.I. Aykhenvald, daily life is full of great meaning and a special “metaphysical height”. At the same time, Aykhenvald’s attitude to everyday life is the basis of his literary preferences, due to this, the “natural symbolism” of Alexander Pushkin, Apollon Grigoryev, Leo Tolstoy, Ivan Bunin, Boris Zaitsev unexpectedly, but quite logically, turn out to be consonant with ideas of Vladimir Solovyov in his service to the beauty of world life, “overcoming flesh, spiritualizing matter, idealizing objectivity”. It is proved that the interpretation of everyday life is associated in the worldview of Yu.I. Aykhenvald with views both religious (the idea of “natural Christianity” as the “imperishable myth of nature” underlying the entire natural world, the “real miracle” of dying and resurrection, which finds “refraction in the religious feeling of people”) and historiosophical (Russia’s destiny and its attitude towards Europe).

Keywords: Yuly Aykhenvald, philosophical discussions, philosophy of life, historiosophy, revolution, everyday life, literary preferences, “natural symbolism”, “natural Christianity”, Russia’s destiny

For citation: Takho-Godi, E.A. “Yuly Aykhenvald: apologia povsednevnosti” [Yuly Aykhenvald: an apologia of the everyday life], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2024, Vol. 17, No. 3, pp. 150–164. (In Russian)

References

- Berdyaev, N.A. “Volya k zhizni i volya k kul’ture” [The will to life and the will to culture], in: N.A. Berdyaev, *Smysl istorii: Opyt filosofii chelovecheskoi sud’by* [The meaning of history: The experience of philosophy of human destiny]. Berlin: Obelisk Publ., 1923, pp. 249–267. (In Russian)
- Budnitskii, O.V. & Polyana, A.L. *Russko-evreiskii Berlin: 1920–1941* [Russian-Jewish Berlin: 1920–1941]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2013. (In Russian)
- Gergilov, R.E. “Pervye gody F.A. Stepuna v emigratsii” [The first years of F.A. Stepun in exile], *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii*, 2007, Vol. 8, Iss. 2, pp. 221–222. (In Russian)
- Kamenetskii, B. [Aikhenval’d, Yu.I.]. “Pogrebenie Evropy (literatura i revolyutsiya)” [The Burial of Europe (literature and revolution)], *Segodnya*, 1923, No. 138, 1 July, pp. 2–3. (In Russian)
- Kochergina, I.V. “K voprosu o prichinakh vysylki kritika Yu.I. Aikhenval’da na ‘filosofskom parokhode’” [On the question of the reasons for the expulsion of the critic Yu.I. Aykhenvald on the ‘philosophical steamer’], *Russkaya filosofiya XX veka i ee vklad v mirovuyu intellektual’nyuyu traditsiyu. K 100-letiyu ‘Filosofskogo parokhoda’. Tezisy mezhdunarodnoi konferentsii* [Russian philosophy of the XX century and its contribution to the world intellectual tradition. To the 100th anniversary of the ‘Philosophical Steamer’. Abstracts

- of the international conference], Vol. 2, ed. by B.I. Pruzhinin and T.G. Shchedrina. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2022, pp. 106–107. (In Russian)
- M.R. “Tragediya i sovremennost” (Lektsiya-disput 11 dekabrya) [“Tragedy and modernity” (Lecture-dispute on December 11)], *Rul’*, 1922, No. 621, 13 December, p. 6. (In Russian)
- Shipovnik. Sborniki literatury i iskusstva*, No. 1. Moscow: Shipovnik Publ, 1922. (In Russian)
- Stepun, F.A. “Mysli o Rossii” [Thoughts about Russia], *Sovremennye zapiski*, 1925, Vol. XXIII, pp. 342–372. (In Russian)
- Stepun, F.A. “Pamyati Yu.I. Aikhenval’da” [In Yu.I. Aykhenvald’s memory], in: Yu.I. Aikhenval’d, *Siluety russkikh pisatelei* [Silhouettes of Russian writers]. Moscow: Respublika Publ., 1994, pp. 13–15. (In Russian)
- Stepun, F.A. “Teatr budushchego (Tragediya i sovremennost’)” [Theater of the future (Tragedy and modernity)], in: F.A. Stepun, *Osnovnye problemy teatra* [The main problems of the theater]. Berlin: Slovo Publ., 1923, pp. 99–128. (In Russian)
- Takho-Godi, E.A. “Estestvennyi simvolizm’ Yuliyi Aikhenval’da (k voprosu ob esteticheskom metode)” [Yuly Aykhenvald’s ‘natural symbolism’ (on the question of the aesthetic method)], *Russkaya literatura i zhurnalistika v predrevolyutsionnyuyu epokhu: formy vzaimodeystviya i metodologiya analiza: kollektivnaya monografiya* [Russian literature and journalism in the pre-revolutionary era: forms of interaction and methodology of analysis: a collective monograph], ed. by A.A. Kholikov and E.I. Orlova. Moscow: IMLI RAN Publ., 2021, pp. 188–203. (In Russian)
- Takho-Godi, E.A. “A.A. Grigor’ev i Yu.I. Aikhenval’d: Iz istorii bor’by za ‘organicheskoe’ mirovospriyatie” [A.A. Grigoryev and Yu.I. Aykhenvald struggling for an ‘organic’ worldview], *Russkaya literatura*, 2022, No. 4, pp. 163–174. (In Russian)
- Takho-Godi, E.A. “Kritik o kritike: Yulii Aikhenval’d ob Apollone Grigor’eve” [Critic about criticism: Yuly Aykhenvald about Apollon Grigoryev], *Russkaya slovesnost’*, 2023, No. 1, pp. 32–36. (In Russian)
- Takho-Godi, E.A. “Pushkin v filosofsko-esteticheskoi sisteme Yu.I. Aykhenvalda” [Pushkin in Yuly Aykhenvald’s Philosophical and Aesthetic System], *Problemy istoricheskoi poetiki*, 2020, Vol. 18, No. 3, pp. 171–189. (In Russian)
- Takho-Godi, E.A. “Rossiia i Evropa: Yuly Aykhenvald ob istoriosofii F.M. Dostoevskogo” [Russia and Europe: Yuly Aykhenvald on Fyodor Dostoevsky’s historiosophy], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2022, Vol. 15, No. 4, pp. 123–135. (In Russian)
- Takho-Godi, E.A. “Yulii Aykhenvald v filosofskikh razdum’iakh o Dostoevskom, revoliutsii i putiakh russkoi literatury” [Yuly Aykhenvald in Philosophical Reflections on Dostoevsky, Revolution and the Ways of Russian Literature], *Dostoevskii: Materialy i issledovaniia* [Dostoevsky: Materials and researches], Vol. 23. St. Petersburg: Nestor-Istoriia Publ., 2021, pp. 485–507. (In Russian)
- Takho-Godi, E.A. “Za chto Yulii Aikhenval’d stal passazhirom filosofskogo parokhoda?” [Why did Yuly Aykhenvald become a passenger on the philosophical steamer?], *Russkaya filosofiya XX veka i ee vklad v mirovuyu intellektual’nuyu traditsiyu. K 100-letiyu ‘Filosofskogo parokhoda’. Tezisy mezhdunarodnoi konferentsii* [Russian philosophy of the XX century and its contribution to the world intellectual tradition. To the 100th anniversary of the ‘Philosophical Steamer’. Abstracts of the international conference], Vol. 2, ed. by B.I. Pruzhinin and T.G. Shchedrina. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2022, pp. 149–152. (In Russian)
- Vestnik rabotnikov iskusstv*, 1923, No. 5–6 (16–17), p. 111. (In Russian)
- [Without a signature]. “Doklad professora Yu.I. Aikhenval’da” [The report of professor Yu.I. Aykhenvald], *Rul’*, 1923, No. 721, 14 (1) April, p. 5. (In Russian)
- [Without a signature]. “K voprosu o smysle istorii (Doklad Yu.I. Aikhenval’da)” [On the question of the meaning of history (Report by Yu.I. Aykhenvald)], *Rul’*, 1923, No. 724, 18 (5) April, p. 5. (In Russian)
- [Without a signature]. “Lektsiya F.A. Stepuna” [Lecture by F.A. Stepun], *Rul’*, 1922, No. 616, 7 December, p. 6. (In Russian)
- Yu.I. Aikhenval’d v gazete ‘Rul’ (1922–1928)* [Yu.I. Aykhenvald in the newspaper ‘Rul’ (1922–1928)], 2 Vols, ed. by I.V. Kochergina and D.V. Zuev. Moscow: Vodolei Publ, 2022. (In Russian)